

Аспирант
А.Т. Баликоев
(СОГУ, г. Владикавказ)

К проблеме исламского экстремизма на Северном Кавказе

А.Т. Баликоев

Серьезную угрозу для национальной безопасности России представляет исламский экстремизм. Ничто не наносит большего вреда и самому исламу и мусульманам, чем современный исламский экстремизм. Экстремисты используют религию в политических целях, постоянно нарушая ее догмы. Ислам, его фундаментализм и исламский экстремизм – понятия совершенно разные, нельзя ставить знак равенства между этими понятиями. Экстремизм обслуживает, в основном, интересы радикальной части исламского мира [1].

Вместе с тем его используют клерикальные, политические, экономические и иногда государственные структуры для различного рода «разборок» в исламском регионе или за его пределами.

Исламский экстремизм от умеренного ислама отличают следующие характерные признаки: 1) непримиримость к гражданскому светскому обществу и стремление к его замене исламским, устроенным по шариату; 2) недопустимость раздельного существования религии и государства; мечеть и государство должны быть вместе; 3) отрицание единства глобальной цивилизации наряду с противопоставлением исламского пространства остальному миру; 4) международный терроризм как главное оружие.

Для более глубокого понимания проблемы отметим основную доктрину исламского экстремизма. Основателем этого движения в середине XVIII века стал Мухаммад ибн абу аль Ваххаб (1703–1787 гг.), отсюда – ваххабизм. Суть его сводится к утверждению, что традиционные исламские добродетели и принципы веры утеряны, поэтому необходимо возвращение к якобы чистому исламу времен пророка и его последователей. Фактически положения экстремистской доктрины ваххабизма не только противоречат основным, базовым принципам традиционного ислама, но даже говорят об их фальсификации, искажении мусульманской веры.

Ваххабизм выступает за насилие и джихад как основные опоры мусульманской добродетели, за институционализированное подчинение женщин,

за противопоставление всего современного исламу и его милитаристскому миссионерскому стремлению. В силу своих особенностей ваххабизм стал идеологией, с помощью которой формируется сознание членов террористических групп.

За последние 20 лет резко возросло значение религиозного фактора в современном международном терроризме. Но это вовсе не означает, что ислам является той религией, которая репродуцирует феномен терроризма. Как показывает мировая практика, любой религиозный конфликт способен спровоцировать насильственные действия, включая терроризм.

Как известно, подавляющее большинство конфликтов, сопряженных с проявлениями современного международного терроризма, связано с деятельностью исламских экстремистских группировок, действующих в Северной Африке и Азии, Южной и Северной Америке, на Европейском континенте. Особую тревогу в этой связи вызывает деятельность организаций, выступающих под панисламистскими лозунгами и декларирующих общеисламский характер своих действий.

Как справедливо отмечает И.Д. Паутов, еще одним компонентом формирования религиозных предпосылок становления современного международного терроризма стало усиление фундаменталистских тенденций в религиозной жизни, что затронуло не только ислам, но и другие религии, включая христианство и индуизм. Религиозный фундаментализм составляет основу экстремизма в среде верующих, подталкивая их к решительным и даже крайним средствам достижения своих целей. Он стал составным элементом идеологического обоснования терроризма, набравшего силу в исламском мире [2].

Общеизвестно, что примером исламского фундаментализма является ваххабизм, религиозно-правовое учение, получившее статус официальной идеологии в Саудовской Аравии и ряде соседних монархий Аравийского полуострова. Его подчеркнутая жестокость и безапелляционность нашли приверженцев во многих уголках

мира, став идеологическим обоснованием деятельности ряда радикальных движений и организаций террористической направленности.

Современный терроризм во многом черпает силы в фанатизме. Существует более 20 международных террористических организаций, представляющих непосредственную угрозу стабильности.

Для религиозно-мотивированного терроризма присуще обращение к текстам Священного Писания, в которых фанатики ищут оправдание своим насильственным действиям. Такое священное обоснование, зачастую подкрепленное вердиктом высокопоставленного религиозного деятеля, не только стимулирует террористическую активность, но и ведет к еще большей жесточести и нацеленности на увеличение числа жертв теракта. Ведь речь идет о неравной битве в условиях угрозы торжества зла, и каждому воину «сил добра» воздастся свыше [2, с. 201].

На Северном Кавказе ваххабизм, характеризующийся как религиозно-политическое, подрывное течение, укрепляет свои позиции за счет долларовых инъекций, которые получают его активисты из мусульманского зарубежья. Парадокс: одни мусульмане исповедуют ваххабизм и считают его своим национальным явлением, другие не приемлют его. Дело в том, что на Северном Кавказе веками придерживались бытового ислама, который переплелся с образом жизни, традициями, культурой северокавказцев, и установки ваххабизма здесь почти не воспринимают. В то же время ваххабизм пытается пустить здесь корни. При этом ставка делается на некоторые привлекательные положения данной идеологии. Это – идеи социальной гармонии, братства всех мусульман, доброты и осмотрительности, безусловного выполнения обещания. Помимо этого, дается установка быть терпеливыми, не лгать, не клеветать, не сплетничать, не быть болтливими, осуждать скупость, завистливость, трусость и т.д. Как видно из сказанного, речь идет о очень важных общечеловеческих нравственных ценностях, которые крайне близки и дороги любому нормальному человеку, в частности верующему.

Тем не менее экстремизм во всех его проявлениях представляет огромную опасность как для всего миропорядка в целом, так и для российской государственности в частности. Анализ политической и социально-экономической ситуации в Российской Федерации и на Северном Кавказе позволяет говорить о проявлениях экстремизма во всех сферах жизни нашего общества. В области религии они находят свое отражение в культивировании нетерпимого отношения к верующим других религиозных конфессий, насильственном захвате их культовых сооружений, разжигании националистических и сепаратистских настроений среди верующих, насильственных

посягательствах на жизнь, здоровье и конституционные права священнослужителей и верующих других конфессий. Несомненно, чеченские экстремисты успешно спекулировали на религиозности, представляя себя борцами за идею, «солдатами Аллаха». Однако членов данных группировок нельзя называть религиозными экстремистами. Агрессоры поставили себя вне любых религиозных законов. Какими бы мотивами ни пытались объяснить протест экстремистов, в конечном счете ими движут две главные цели: самоутверждение и месть [3].

Чеченские события ярко высветили проблему, которая постепенно вызревала на протяжении десятилетий, – проблему мусульманского фактора в России. Национальная и религиозная принадлежность стали козырными картами, которые разыгрывают скороспелые политики, пекущиеся не столько о благе нации и ее духовной чистоте, сколько о своих корыстных интересах: укреплении политической власти, переделе некогда общественной собственности, природных ресурсов, национального достояния в свою пользу. Все мы люди одной национальности, одного вероисповедания, делить нам нечего, а перед угрозой чужаков надо сплотиться во что бы то ни стало – примерно так звучит основное правило игры в национализм и религиозный экстремизм. Этой тенденции объективно способствует и популистское заигрывание федеральной власти с Православной церковью в ущерб другим конфессиям, что не могло не вызвать негативной реакции у их приверженцев.

Исламский экстремизм – это специфическая реакция мусульмано-культурного населения на несправедливость и притеснение, он произрастает на почве социального отчаяния и безысходности. Вряд ли воинствующее толкование ислама получило бы такое распространение в Чечне и других субъектах Северного Кавказа, если бы не широкое применение российской армией средств массового уничтожения.

Анализ показывает, что исламские сепаратисты на Кавказе ищут в ваххабизме идеологическое оправдание своей противоправной деятельности, иллюзорное братство в борьбе против «общего врага». Воспринято все в вульгаризованном виде. Ведь террористические акты, включая захват заложников, проявления крайней жестокости, мракобесия и обскурантизма никак не согласуются с современным толкованием и практикой ислама. Это и понятно. Малообразованным в вопросах религии людям зарубежные проповедники-инструкторы, занимаясь военной подготовкой, попутно внушают нехитрые стереотипы беспощадной войны с «неверными», жестокой кары для отступников, крайней нетерпимости ко всему, что выходит за рамки их представлений. Ваххабизм в северокавказском варианте

стал, по сути, воинствующей сектой, имеющей с исламом столь же мало общего, как, скажем, секта «хлыстов» с христианством.

Объясняя феномен ваххабизма в Чечне, Дагестане и других субъектах Северного Кавказа, нельзя, как это делается последние годы, сводить все только к «традиционно высокой религиозности» населения республик. Здесь мы усматриваем и другие причины.

Во-первых, ваххабизм на Северный Кавказ начал проникать еще в XIX – начале XX в. двумя путями. Первый – через религиозных мусульманских деятелей, выезжавших на паломничество в Саудовскую Аравию – в страну, где ваххабизм является официальной идеологией. Второй – через арабских миссионеров, прибывших на Северный Кавказ в указанный период. До настоящего времени потомки тех миссионеров живут в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии.

Во-вторых, как известно, Северный Кавказ всегда был сырьевым придатком, а его народы – дешевой рабочей силой и в СССР и в нынешней России. Десятки тысяч человек вынуждены выезжать на заработки из-за безработицы и низких заработков. Вдобавок оторванность от традиционного уклада жизни и идеологическое воздействие со стороны старших объективно вели к воздействию религиозного влияния.

В-третьих, влияние официального духовенства на население в годы перестройки сильно возросло. Наряду с этим, непосредственная близость региона к арабскому и исламскому миру, традиционные связи с ним и наличие там северокавказской диаспоры объективно способствовали формированию своеобразного альянса с этим миром.

Необходимо учитывать следующие новые реалии:

– в эскалации конфликта, который противопоставил бы друг другу христиан и мусульман в нашей стране, заинтересованы только силы, стремящиеся к их взаимному ослаблению, преследующие цели, зачастую не связанные с религиозным выбором;

– лидеры религиозных террористических организаций и группировок преследуют не религиозные, а политические цели, а религия выступает в качестве идеологической маскировки, в качестве мобилизирующего фактора для достижения определенных политических целей;

– внедрение исламского фундаментализма в России ведет к колоссальному ослаблению традиционного ислама в стране;

– основой политического терроризма в России выступает не та или иная религия, а соединение религиозного радикализма с национализмом и сепаратизмом;

– утверждения о том, что ислам – агрессив-

ная, воинствующая религия и что агрессивность исламского мира нарастает, способствуют разделению страны по конфессиональному признаку, наносят серьезный удар в первую очередь по российскому федерализму [4].

«На основе строгой конспиративной системы ведется финансирование ваххабитских групп, распространяются соответствующие печатные и видеоматериалы, путем подкупа чиновников организуется проникновение ваххабитских эмиссаров в органы власти. Идет процесс вытеснения из мечетей представителей лояльного духовенства и замена их на молодых имамов, подготовленных в исламских учебных заведениях за рубежом» [5].

События на Северном Кавказе в постсоветский период говорят о попытках реального насильственного проникновения ортодоксального ислама на территорию России. Расчеты вдохновителей и организаторов агрессии строятся на использовании в своих целях многочисленных нерешенных проблем в регионе – межэтнических, социально-экономических, политических, территориальных – и направлены на усиление дестабилизации сразу в нескольких субъектах Российской Федерации. Проблема возникает в тех случаях, когда идеи политического экстремизма начинают возобладать над идеями религиозного проповедничества, что происходит в большинстве случаев с теми, кто последовал за ваххабитами. Они рано или поздно начинают проявлять крайнюю религиозную нетерпимость, встают на путь терроризма, основываясь на одном из постулатов ваххабизма, разрешающем убийство каждого, кто противостоит их идеям [1, с. 135].

Фактически исламский фактор используется религиозными экстремистами в чисто политических целях для свержения существующего в Дагестане государственного строя и объявления его исламской республикой с шариатским управлением. Ислам в данном случае является лучшим фактором воздействия на сознание и психологию доверчивых рядовых верующих.

В результате распада СССР на смену духовному управлению мусульман Северного Кавказа и Дагестана пришли несколько подобных органов. Так, духовные управления мусульман были созданы в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Осетии, Чечне, Ингушетии, Дагестане. Появились идеи создания национальных духовных управлений в Дагестане: Духовное управление аварцев, Духовное управление даргинцев, Духовное управление лакцев [6].

По мнению специалистов, на Северном Кавказе ислам переплетается с местными обычаями и традициями. Он стал образом жизни людей, которые его исповедуют, и, как и в других регионах, приобрел своеобразные региональные

формы. Здесь он отличается от ислама «официального», который олицетворяет культ религиозный, динамику, проявляется в функциях мечети, в деятельности религиозных исламских центров и объединений, в позициях мусульманских авторов и лидеров.

Однако, к сожалению, в 90-е годы XX века наблюдались массовые выступления различных групп населения под религиозными (конкретно – мусульманскими) лозунгами. Наиболее активно они проходили в Дагестане, Чечне и Ингушетии, где стали укореняться тенденции к тотальной исламизации этих республик и всего Северного Кавказа.

О полномасштабном возрождении ислама говорят приводимые ниже факты, которые заставляют задуматься о многом. В регионе функционирует огромное количество мусульманских школ, медресе и открытых исламских институтов в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечне, Ингушетии. Только в республике Дагестан на 2001 год функционировало 670 примечетских школ, 120 средних духовных учебных заведений, 13 мусульманских вузов (еще 33 их филиала), главный из которых, в Махачкале, носит название «Университет имени имама Шафи».

В 90-х годах молодые дагестанцы, обучавшиеся в медресе у приехавших в республику арабов, получали денежную стипендию от 20 до 100 долларов США. А новообращенный в фундаменталистскую общину получал подъемные в размере 1000 дол. США [6, с. 54]. С 90-х годов XX в. «восприятие ислама как антироссийской силы вдохновляет идеологию национальных антироссийских движений региона в первую очередь в Чеченской Республике» [7].

К середине 1990-х гг. на территории Дагестана сформировалось несколько центров ваххабизма, часть из которых объявили себя независимыми исламскими территориями (с. Карамахи, Чабакмахи). Учебные центры ваххабизма открыты и в других районах республики, растет число его сторонников, на которых опираются экстремистские силы. Это же подтвердили и события лета и осени 1999 г. в самом Дагестане, в Карачаево-Черкесии и др. Анализ показывает, что антиваххабистская кампания в регионе была развернута слишком поздно. Незнание силовыми ведомствами тонкостей предмета спора, отсутствие должной нормативно-правовой базы в борьбе с этим явлением дают возможность неплохо подготовленным «радикалистам» открыто, используя абсолютно легальные методы, переигрывать своих оппонентов.

Можно предположить, что исламисты занимались не только своими прямыми функциями. В средствах массовой информации неоднократно высказывались идеи, что некоторые из орга-

низаций могут быть связаны со спецслужбами зарубежных (и не только арабских) государств. Не исключалось, что на Северном Кавказе могут отрабатываться различные сценарии, в том числе и разжигания противоречий между самими мусульманами [8].

Вскоре противоречия всплыли на поверхность. Так, в августе 2000 г. прозвучало, что в Кабардино-Балкарии существуют подпольные группировки, «готовые взять в руки оружие и ввергнуть население в хаос и кровопролитие ради привнесения в мусульманскую религию элементов ваххабизма». Этот факт констатировал председатель ДУМ КБР Ш.Пшихачев [9].

Проследивая путь распространения и укоренения ваххабизма, приведем еще несколько примеров. В ноябре 2000 г. Народное Собрание Республики Дагестан предложило законопроект о внесении поправок к Закону РФ «О свободе совести». Речь шла «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности», но поправка была отвергнута Комитетом Госдумы по делам общественных и религиозных организаций. По мнению экспертов Комитета, сам по себе ваххабизм является составной частью исламской общественной мысли и его запрет может вызвать непонимание мусульманской общественности как в России, так и в мусульманском мире. Но тогда с таким же успехом можно защищать и фашизм, как часть западной идеологии XX в.

Сторонники вышеуказанного подхода ссылались на то, что практика применения в Республике Дагестан закона «О запрете ваххабизма» говорит о его малоэффективности. На основании этого закона за год не осужден ни один преступник. Религиозные деятели предлагали выработать официальный документ в Центре, где бы было описание псевдорелигиозного экстремизма вообще и ваххабизм в частности. А на основе этого определить методы борьбы с ним.

Анализ происходящего позволил нам выявить кардинальные изменения позиций духовных лидеров по той или иной проблеме. Так, например, 30 июня 2000 года Совет муфтиев России признал существование ваххабизма и необходимость борьбы с ним. Одновременно определили и основные признаки ваххабизма: «верующий не признает четыре основные юридически-правовые школы суннизма, не признает шиизм, как направление в исламе; наделяет себя правом объявлять любого инакомыслящего кяфиром (неверным); наделяет себя правом лишать неверного всего, вплоть до жизни» [9].

Симптомы существования воинствующего ваххабизма были налицо. Происходило не только вооружение экстремистов, но подпольно звучали идеи свержения действующей власти и провозглашения на территории КБР исламской республики. На конец 2000 года на учете в правоох-

ранительных органах республики состояли 382 сторонника «нового» ислама, из них 167 проживали в Нальчике [10]. По официальным данным, до 60 человек из КБР выезжали для обучения исламу в Чечню. Половина из них прошли обучение в учебно-диверсионных лагерях под Сержень-Юртом и в Ачхой-Мартане, воевали в составе чеченских групп против подразделений российских армий [9].

В 1994–1995 году около сотни студентов из Кабардино-Балкарии проходили обучение в Саудовской Аравии, Египте, Сирии, Иордании и Турции. Поддержку мусульманским общинам оказывали благотворительные(?) арабские организации, аккредитованные в республике, такие как Международная организация «Спасение», Всемирная ассамблея исламской молодежи «ан-Надва» и другие. При содействии Саудовской Аравии в Нальчике был создан Центр исламской молодежи, организовано отделение Международной организации по спасению ислама – «Дават».

Еще летом 1992 г. Исламский университет имама Мухаммада Бен Сауда (Саудовская Аравия) организовал на территории бывшего СССР, в том числе и в Кабардино-Балкарии, пять курсов арабского языка и исламских наук. Лекции 210 слушателям читали 50 профессоров университета. Подобные семинары проводились и в последующем.

Всего в Министерстве юстиции Российской Федерации на начало 1999 года было зарегистрировано семь исламских международных организаций [11].

По мнению старейшин североосетинского исламского духовенства, «происходящие сегодня на Северном Кавказе вспышки джихада спровоцированы издалека», и уже ясно, что «нам с ними не по пути, так как чужеземцев вовсе не интересует российская жизнь с точки зрения сохранения в ней позиций ислама как вполне демократичного источника духовной пищи и не имеющего ничего общего с жестокостью диктатуры и с вооруженным захватом власти». По мнению ДУМ РСО-А, симпатии к салафизму или «ваххабизму» в России могут быть сегодня только куплены, а добровольно и бескорыстно вместить засланные Востоком «заветы» способны лишь души, по-настоящему одержимые комплексом неполноценных мусульман [12].

Однако, по данным правоохранительных органов Северной Осетии, есть случаи, когда «борцы за чистый ислам», воспользовавшись малограмотностью рядовых мусульман, «открывают сомнительные учебные заведения по месту жительства, тем самым насаждая чуждое вероучение, распространение которого может привести к розни между мусульманами республики на религиозной основе» [13]. Радикалы пытаются при-

вить свои взгляды и через поступающую по различным каналам религиозную литературу.

В Северной Осетии-Алании официально зарегистрированы 76 религиозных организаций, из них 21 – православная, 14 – исламских, 2 – иудейских, 38 – христианских организаций протестантского толка. Кроме того, действуют 60 региональных отделений политических партий и 545 общественных объединений. На этом фоне в последнее время наблюдается тревожная тенденция: стали выявляться группы лиц, которые исповедуют радикальные взгляды экстремистского толка.

Говоря об исламе и судьбе мусульман в России, А.Малашенко отмечает, что в наступившем тысячелетии религии еще раз предстоит определить свое место в мирской, а не только в духовной жизни. По его мнению, это характерно и для России, где, например, православие открыто участвует в политике. Что касается ислама, то в нем отсутствует жесткое деление на собственно религиозное и светское. Ислам всегда был и остается вовлеченным в социальные и политические проблемы мусульманских обществ.

В связи с войной в Чечне речь шла не о терроре вообще, а о том, который осуществляют исламские экстремисты. В массовом сознании мусульмане обрели особый статус, обусловленный их конфессиональной непохожестью на большинство граждан. Они под постоянным подозрением, особенно после трагедии в Беслане. Такое отношение вызывает большую тревогу у всех мусульман и их лидеров. Они вынуждены доказывать власти и народу, что ислам – это религия мира, а подавляющее большинство мусульман – не террористы.

Несмотря на активные проявления экстремизма, есть оптимистические взгляды. Так, например, по мнению Р.Р. Сафина, исламский экстремизм России не грозит. Ни в коем случае нельзя ставить знак равенства между исламом и тем, к чему призывают, что делают экстремисты от имени ислама. Ислам нередко используется экстремистами в качестве идеологии, призванной оправдывать их действия. Но это искажение духа и буквы ислама. Как известно, корни политического экстремизма вполне земные, материальные. Это бедность, нищета значительной части мусульманского населения стран Азии, Африки, Востока и т.д. Бедных хватает и в нашей стране, но Россия никогда не была ареной религиозного конфликта.

Фактически безуспешными оказались попытки внедрения и упрочения радикальных версий ислама. Ваххабиты не сумели укрепиться в России, в частности на Северном Кавказе, хотя проявления его есть. Здесь положительную роль сыграли не только законы государства, запрещающие ваххабизм. Явными противниками этого течения оказались авторитетные представители

мусульман страны. Они прекрасно понимают, что нетерпимость и агрессивность по отношению к другим религиям, категорическое неприятие всего нового делают ваххабизм глубоко враждебным людям. Необходимо подчеркнуть и то, что абсолютное большинство рядовых российских мусульман отвергают ваххабизм.

Важную роль играет исламское образование, которое должно строиться с учетом реалий нашей страны. Я имею в виду, естественно, не религиозную догматику, а ту часть ислама, которая вмещает в себя деловую этику, представления о предназначении власти, государства, соотношении норм шариата и законодательства. Здесь ислам непосредственно соприкасается с политикой. Это огромная ответственность. Однако нельзя забывать: то, что признано верным и полезным применительно к Саудовской Аравии, где обучалась и обучается немалая часть исламского духовенства, вовсе не обязательно пригодно для России.

Ислам – это не только религия. Это система ценностей, наполненных богатейшим духовным, культурным, социальным содержанием. Нельзя упускать возможность направить духовную силу ислама, энергию верующих в русло укрепления российской государственности, экономического, социального, культурного прогресса страны. Это требует более широкого взаимодействия как внутри самой мусульманской общины России, так и с государством.

Исходя из сложившейся общественно-политической ситуации, сегодня крайне важно предпринять меры, направленные на ограничение и ликвидацию религиозной, особенно исламской, опасности. Под этими мерами мы имеем в виду деполитизацию ислама и деисламизацию политики; исключить вмешательство в социально-политическую сферу исламистских, да и вообще религиозных радикальных организаций; ограничить или запретить деятельность иностранных религиозных организаций на территории России и т.д.

Профилактика исламского экстремизма осложнена целым рядом обстоятельств. Мы предполагаем, что это в первую очередь проблема незнания арабского языка, местных диалектов; во-вторых, слишком агрессивна антиисламская риторика большинства российских СМИ, причем устами дилетантов; в-третьих, в стране до сих пор не создана структура, которая занималась бы анализом и выработкой предложений для руководства России с целью борьбы как с радикальным направлением ислама, так и сепаратистами.

Например, мусульмане Северной Осетии во взаимодействии с Комиссией по правам человека работают по комплексной программе «Ислам без оружия». Основная цель программы – организация и осуществление деятельности по разъяснению пагубности влияния ваххабизма

мусульманам Северной Осетии, Ингушетии, Кабардино-Балкарии; недопущение его проникновения в эти республики; формирование негативного общественного мнения в отношении ваххабизма и его последователей; создание неблагоприятного для его распространения политического и социального фона.

Однако одними общественными мероприятиями проблему решить невозможно, поскольку ваххабизм – это военно-политическая структура, финансируемая извне, и вокруг нее выстраиваются различные хитроумные сплетения. Правительству РФ необходимо уделять больше внимания подготовке грамотных специалистов-кавказоведов, глубже изучать проблему культурного развития северокавказского региона. Обязательно использовать индивидуальный подход к конкретно взятому народу. Необходимо избавляться от стереотипов в оценке конфессий, когда ислам рассматривается в обществе как «исчадие зла».

Происходит серьезная путаница в понятиях «терроризм», «экстремизм», «наемничество», «ваххабизм», которые в результате отождествляются с исламом в целом. Порою даже представители властных структур находятся в растерянности перед сложившейся ситуацией. «Парадокс, но на сегодня к уголовной ответственности за участие в организациях религиозно-экстремистского толка в КБР и ее столице не привлечен ни один человек. Ряд ярых приверженцев ваххабизма осужден, но не за религиозные убеждения, а за совершение уголовных преступлений», – отмечал в 2000 г. прокурор Нальчика [10].

В связи с радикализацией контингента мусульман, обучающихся в зарубежье в исламских вузах, в начале XXI в. забили тревогу на Северном Кавказе. Большинство молодых людей попадают под пристальное внимание вербовщиков из радикальных мусульманских организаций. В связи с этим возник вопрос об ужесточении контроля выезда за границу с целью получения религиозного образования и над приезжающими в страну проповедниками. Так, например, в Республике Дагестан в октябре 2002 года на совместном заседании Государственного Совета и Совета безопасности РД говорилось об опасности вовлечения обучающихся в религиозных учебных заведениях стран Ближнего Востока молодых дагестанцев в экстремистскую деятельность. Заместитель министра юстиции Республики Дагестан А.Алиев потребовал прекратить практику религиозного обучения студентов за рубежом [4].

В этом русле и нужно вести работу на всех уровнях. Ваххабизм в нынешнем его виде – это доработка современными идеологами ряда радикальных положений ваххабитского учения в духе крайнего религиозного экстремизма с це-

лью дестабилизации обстановки на Северном Кавказе и в России в целом.

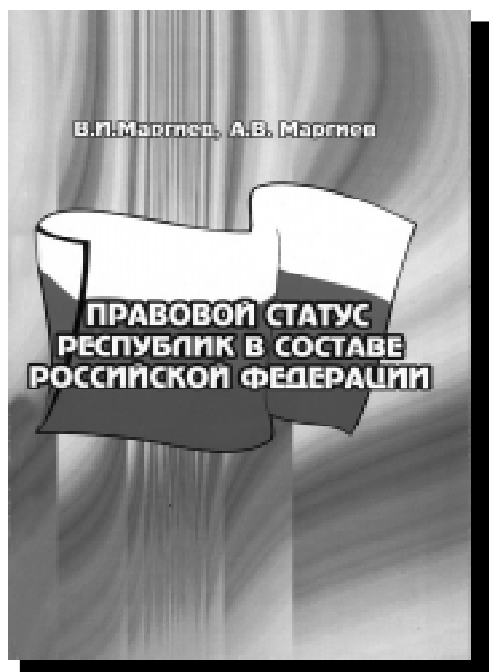
Нынешний ваххабизм имеет мало общего с религиозным учением. Он стал пристанищем для тех, кто за определенное денежное вознаграждение готов воевать, совершать теракты против своих сограждан.

По сути, под религиозным прикрытием мы имеем дело с «пятой колонной», с помощью которой определенные силы пытаются реализовать свои политические цели в регионе. Практически во всех республиках Северного Кавказа необходимы эффективные меры по ее нейтрализации.

Литература

- 1. Шарафулин М.М.** Основные направления развития национальной политики Российской Федерации на современном этапе. Дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2006. С. 132–134.
- 2. Паутов И.Д.** Религиозный аспект международного терроризма // Современный политический анализ и политические технологии. Т. II. – М., 2005. С. 193.
- 3. Назарова Е.С.** К вопросу о геополитическом аспекте экстремистской деятельности // Проблемы геополитики и Северный Кавказ. – Ставрополь, 2001. С. 69.
- 4. Боташева А.К.** Вопросы детерминации политического терроризма в России // Россия и Кавказ: история и современность. – Владикавказ, 2005. С. 56-57.
- 5. Религия** и проблемы национальной безопасности // Безопасность Евразии. 2002. № 1. С. 538.
- 6. Магомедов А.А.** Религиозный «Ренессанс»: причины, характер протекания // Проблемы геополитики и Северный Кавказ. – Ставрополь, 2001. С. 52.
- 7. Бобровников В.А.** Ислам на постсоветском Северном Кавказе (Дагестан): мифы и реалии // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. – М., 2001. С. 82.
- 8. Ахмадулин В., Мельков С.** Государственно-исламские отношения в России: история, теория, механизмы, военно-политические аспекты. – М., 2000. С. 49.
- 9. Северный Кавказ.** №6 (512), февраль 2001 г.
- 10. Кабардино-Балкарская правда.** 1 ноября, 2000.
- 11. Ислам** и мусульмане России. – М.; 1999, С. 236.
- 12. Льянов И.** Следы ваххабизма // Северная Осетия. 3 декабря 1999 г.
- 13. «Борцы** за чистый ислам», или зачем мулле боевая граната? // Северная Осетия. 22 мая 2001 г.
- 14. Емельянов Н.М.** Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. – М., 2003. С. 252.

В МИРЕ КНИГ

В.И. МАРГИЕВ, А.В. МАРГИЕВ Правовой статус республик в составе Российской Федерации

Владикавказ: Владикавказский научный центр РАН и Правительства РСО-А, 2008. 325 с.

Монография посвящается одной из основных проблем российского федерализма — правовому статусу республик в составе Российской Федерации.

В монографии освещены такие вопросы как: проблемы асимметричности РФ, отличительные черты правового статуса республик как субъектов Российской Федерации, разграничение предметов ведения и полномочий между РФ и республиками в ее составе, международно-правовой статус республик в составе РФ и др.

Монография рассчитана на студентов, аспирантов и профессорско-преподавательский состав юридических факультетов университетов и других высших учебных заведений.

Монография издается в авторской редакции.